

Т. П. БОНДАРЕВСКАЯ

БЕГЛЫЕ КРЕСТЬЯНЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

Проблема беглых крестьян имеет существенное значение для изучения социальной и экономической истории Среднего Поволжья XVIII в. Среднее Поволжье в XVIII в. являлось местом скопления огромного количества беглых крестьян из различных районов России. Постоянное передвижение населения происходило внутри Среднего Поволжья; наконец, с течением времени сам район Среднего Поволжья выбрасывает массы беглых крестьян в другие районы страны.

Вопрос о беглых в данной статье ставится, с одной стороны, как вопрос об одной из распространенных форм классовой борьбы крепостного крестьянства, с другой — как вопрос об одном из основных ингредиентов процесса колонизации Среднего Поволжья. Постановка этих вопросов не нова. В исторической литературе твердо установился взгляд на побег как на ископное средство протеста крепостных крестьян против существовавших тогда условий. Неоднократно указывалось и на роль беглых в колонизации и освоении окраин. Однако до последнего времени исследования о беглых крестьянах касались лишь XVII в., исследований о беглых крестьянах в XVIII в. почти не было. Особенно скудны данные в литературе о беглых крестьянах Среднего Поволжья.¹

Правда, этот пробел в значительной степени заполняет обстоятельное исследование П. К. Алефиренко о крестьянском дви-

¹ Имеется краткая заметка П. Преображенского «Беглые крестьяне Самарского края в XVIII в.» (Изв. Самарск. гос. ун-в., 1922, вып. 3) по истории сыска беглых. Некоторые данные о беглых крестьянах Среднего Поволжья (главным образом о беглых в Среднее Поволжье) в 20—30-е годы XVIII в. приведены в статье: В. Ю. Гессен. Нападения беглых крестьян на помещичьи вотчины в 20—30-х годах XVIII века. Вопр. истории, 1954, № 12, стр. 103—110. — О побегах крестьян в Ср. Поволжье накануне восстания С. Разина опубликована заметка Т. И. Смирновой (Вопр. истории, 1956, № 6, стр. 129—131).

женни в XVIII в., в котором бегству как одной из форм борьбы крестьянства уделено большое внимание.² К. Н. Щепетов дополнил исследование П. К. Алефиренко большим конкретным материалом о беглых князя Черкасского, в вотчинах которого в первой половине XVIII в. в бегах находилось свыше 16% крепостных.³

Имеющийся в моем распоряжении материал о беглых помещичьих крестьянах Среднего Поволжья позволяет шире, чем это сделано в книге П. К. Алефиренко и статье К. Н. Щепетова, рассмотреть вопрос об экономическом положении беглых, их занятиях и составе семей, о роли беглых в колонизации Среднего Поволжья. Основным источником являются «допросные речи» беглых: в них содержится богатый материал о причинах бегства, направлении и продолжительности побегов, об экономическом положении беглых в момент их сыска.

Бегство крестьян в Среднее Поволжье началось в XVII в.⁴ В челобитной московских служилых людей 1682 г. указывалось, что крестьяне бегут «в Низовые города: в Казань, в Нижний, и в Симбирск, и в Саратов, и в Саранск, и в Арзамас, и на Алатырь, и на Пензу, и в Ломов, и в Керенск, и во все Казанские пригородки».⁵ А. Новосельский, изучив большой материал о бегстве крестьян из центральных уездов на восточную и южную окраины в XVII в., пришел к выводу, что «это был настоящий колонизационный поток, заполнявший окраины государства, засеивший степные пространства».⁶

Бегство крестьян в Среднее Поволжье продолжалось и в XVIII в. В 1737 г. в разных местах Казанской и Воронежской губерний было сыскано 1872 крестьянина, бежавших из московских вотчин Черкасских в течение первой трети XVIII в.⁷

По районам прилива беглых крестьян в Среднем Поволжье изменялись. Если в XVII в. основная масса беглых задерживалась в Нижегородском, Арзамасском и Алатырском уездах, то в XVIII в., в связи с широким развитием в данном районе дворянского землевладения, волна беглых крестьян направлялась в Симбирский и Пензенский уезды, еще слабо освоенные поме-

² П. К. Алефиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII в. М., 1958, стр. 94—114, 187—190, 262—266.

³ К. Н. Щепетов. Беглые крестьяне князя А. М. Черкасского в первой половине XVIII в. История СССР, 1963, № 6.

⁴ См.: А. Новосельский. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве во 2-й пол. XVII в. Труды Инст. истории РАИОН, вып. I, 1926, стр. 332; А. Г. Маньков. Побег крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVII в. Уч. зап. ИГУ, серия истор. наук, 1940, вып. 10.

⁵ А. Новосельский. Побег крестьян и холопов..., стр. 333.

⁶ Там же, стр. 335.

⁷ ЦГАДА, ф. Следственной комиссии о беглых крестьянах кн. А. М. Черкасского, № 324, д. 7, л. 352.

щиком и располагавшие большой площадью незаселенного «дикого» поля. При этом в XVIII в. в юго-восточный край Среднего Поволжья бежали не только крестьяне из центральных уездов, но и из Нижегородского, Арзамасского, Алатырского, Курмышского, Шацкого уездов — главным образом именно из данного района. Так, в 1737 г. «в разных местах» Казанской и Воронежской губерний Сенатская сыская экспедиция сыскала 11 467 беглых крестьян, принадлежавших Черкасскому; из них 9118 человек происходило из его нижегородских и арзамасских вотчин.⁸ Бежали крестьяне и из многих других вотчин Нижегородского Поволжья. К 60-м годам XVIII в. насчитывалось 25 беглых крестьян из алатырских вотчин Пазухиных⁹ — помещиков, которые и всего-то имели здесь две сотни крепостных. В 20-е годы XVIII в. Нижегородская губерния дала наибольшее количество беглых из государственных и дворцовых крестьян.¹⁰ Бегство крестьян из Нижегородского и Арзамасского уездов, начавшееся в конце XVII в. и особенно развившееся с началом XVIII в., находится в тесной связи с развитием и укреплением здесь помещичьего землевладения и крепостничества.

Уменьшение (но не прекращение) бегства в Поволжье из центра объясняется тем, что, как показывают материалы Комиссии 1767 г., основными районами, куда бежали крестьяне из центральных и северных уездов, в середине XVIII в. становятся Литва и Польша, Остзейский край, Малороссия и Кавказ.¹¹

В середине XVIII в. начинается бегство крестьян из Пензенского и Симбирского уездов. В губернские, провинциальные и воеводские канцелярии непрерывно поступали челобитные о бегстве крепостных крестьян из Пензенских вотчин Голицыных, Блудовой, Толстых, Кофтырева, Ермолова, Романовской, из симбирских вотчин Чернышевых, Шереметевых.¹² В 40-е годы XVIII в. Симбирский и Пензенский уезды наряду с Нижегородским дали самый большой поток беглых государственных и дворцовых крестьян.¹³

Подавляющее большинство крестьян, бежавших из различных вотчин Среднего Поволжья в первой половине XVIII в., укрывалось внутри Среднего Поволжья, передвигаясь из одного уезда

⁸ Там же.

⁹ РО ГБЛ, ф. Пазухиных, $\frac{XIII}{15.17} \cdot \frac{XVIII}{12.17}$.

¹⁰ П. К. Алефиренко. Крестьянское движение..., стр. 263.

¹¹ А. Фирсов. Вопрос о беглых и разбойниках, поднятый в Комиссии для составления нового «Уложения», Изв. общества археол., истории и этногр. при Казанском унив., 1891, т. IX, вып. 1; В. Семеновский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I. СПб., 1881, стр. 338—343.

¹² ЦГАДА, ф. Казанской губ. канц., № 407, дд. 116—118, 120, 131, 137, 144, 146.

¹³ Ю. В. Готье. Из истории передвижения населения в XVIII в. ЧОИДР, 1908, кн. 1, отд. IV, стр. 8—12.

в другой. Мне известно направление побегов 679 крестьян.¹⁴ Из них 70% бежало из Нижегородского и Арзамасского уездов: 57.6% всех бежавших остановилось в Симбирском и Пензенском уездах. П. К. Алефиренко и К. Н. Щепетов также указывают, что поток беглых из нижегородских вотчин Черкасского оседал в Пензенском, Симбирском и Казанском уездах Казанской губернии: здесь осели 6576 человек из 9118 всех беглых из Нижегородской губернии.¹⁵

Большое количество беглых (20%) тянулось в города Нижнего и Среднего Поволжья, т. е. к промысловым и промышленным центрам, нуждавшимся в рабочей силе. Кипшенков, возглавлявший сыскную экспедицию в Саратове в 1758 г., писал: «... всегда в больших хлопотах живот свой мучу... Саратов с пересылкой беглецов совсем сокрушили, не знают, куда с ними деваться».¹⁶

72% утенных мною беглых крестьян оседало в селах и деревнях Среднего Поволжья. Беглые сами явились основателями целого ряда сел и деревень. В Казанском уезде местом скопления беглых была Сивинская волость. В 1760 г. Казанская губернская канцелярия доносила в Сенат, что «вся та Сивинская волость из разных мест сходцами... на пустых порозжих дачах сама собою населилась» и за прием беглых некого привлекать к ответственности, так как приемщиками беглых были такие же беглые крестьяне, «коп в высылку на прежние места следуют сами», а в указе 1754 г. о сыске беглых ничего не сказано, как поступать, «когда беглой беглого ж принял к себе на пустую порозжую землю».¹⁷ В 1760 г. из 762 человек, населивших в то время Сивинскую волость, выселенно подлежало 402 «сходца». Они принадлежали к государственным и ясапным (174 человека), помещичьим (145 человек), дворцовым (34 человека) и другим категориям крестьян.¹⁸ Государственные и ясапные крестьяне оказа-

¹⁴ Подсчеты произведены по документам следующих фондов: ЦГАДА, ф. 324, дд. 1, 81; ф. Арзамасской пров. канц., № 419, дд. 62—95; ф. Казанской губ. канц., № 407, оп. 20, дд. 6, 8, 12, 25, 28, 89, 116, 120; ф. 1-го деп. Сената, № 259, оп. 1, д. 97—3668, л. 47; ф. 2-го деп. Сената, № 260, оп. 1, д. 72—4973, лл. 154, 319—323; ф. Поляных, № 1276, дд. 99, 101, 104, 136, 149, 165, 175, 177; ф. Воронцовых, № 1261, оп. 3. ч. Б, разд. 6, д. 1741; ф. Нарышкиных, № 1272, д. 67; ф. Юсуповых, № 1290, оп. 6, дд. 1151, 1117, 1213, 1264. — ГИМ, ф. Куракиных, дд. 29 (н. оп.), 1241. — РО ГБЛ, ф. Па-

зухиных, $\frac{XIII}{19}$, $\frac{XIII}{15}$, $\frac{XX}{26}$, $\frac{XVIII}{12, 17}$, $\frac{XV}{19}$, $\frac{XVII}{9, 26}$. — ЦГИА, ф. Шереметевых, № 1088, оп. 11, д. 386, 387, 393, и оп. 10, дд. 312, 314.

¹⁵ П. К. Алефиренко. Крестьянское движение..., стр. 98—99; К. Н. Щепетов. Беглые крестьяне..., стр. 129.

¹⁶ РО ГБЛ, ф. Пазухиных, $\frac{XVIII}{II}$, л. 10.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 1-го деп. Сената, № 259, оп. 1, д. 97—3668, л. 767.

¹⁸ Подсчеты сделаны по ведомости Казанской губернской канцелярии «Из каких мест пришлые сходцы в Сивинской волости», — см.: там же, лл. 763—784.

лись из Вятской и Великоустюжской провинций, из Кунгурского, Казанского, Соликамского, Чердынского, Свияжского, Арзамасского, Нижегородского и других уездов. На этой территории было расположено немало казенных и частных заводов, к которым приписывались крестьяне Вятской, Казанской и других провинций. Широким развитием системы приписки в северо-восточных провинциях Казанской губернии объясняется тот факт, что наибольшее число «сходцев» в Сивинской волости оказалось из государственных и ясашных крестьян.

Помещичьи беглые крестьяне были из Галицкого, Вологодского, Костромского, Кунгурского, Соликамского, Нижегородского, Свияжского, Царовосанчурского уездов.¹⁹ Любопытно, что в Сивинской волости не оказалось ни одного «сходца» из Симбирского и Пензенского уездов.

В 1760 г. вся Сивинская волость была приписана к возникавшим Камским молотовым железным заводам гр. Шувалова. Крестьяне, бежавшие от крепостной неволи, попали в новую кабалу и оказали упорное сопротивление. В 1762 г. Шувалов доносил в Сенат, что крестьяне «в приписке к тем заводам чинили противности и непослушания, а потом оные усмирены и в послушание к заводским работам приведены».²⁰ Выселение беглых из Сивинской волости началось в 1765 г.²¹

Подобно Сивинской волости, местом скопления беглых крестьян было с. Никольское (Поим) в Верхнеломовском уезде — впоследствии крупнейшая вотчина Шереметевых. История возникновения Никольской вотчины такова.

В 1694 г. кн. М. Черкасскому «из диких поль в Верхоломовском усаде по речке Поиму» была дана «поместная земля». Полученная Черкасским дача осталась необмежеванной и незаселенной. А вскоре «на той земле многие крестьяня, из разных ево вотчин збежав, поселились... своевольно».²² В 1717 г. в с. Поим насчитывалось уже 1763 души,²³ к 1733 г. «прибыло» еще 1263 крестьянина,²⁴ бежавших из разных вотчин Черкасских, Нарышкиных, Разумовских и других помещиков. В 1727 г. Черкасский направил в Сенат челобитную, в которой сообщал, что крестьяне, поселившиеся на р. Поим, «никаких доходов ему не платили, и прикащиков у них никого от него не было».²⁵

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, л. 786.

²¹ В 1764 г. Камские заводы Шувалова были переданы в казну, поэтому выселению подлежали лишь помещичьи крестьяне, а дворцовые, государственные и ясашные крестьяне оставались при заводах.

²² ЦГАДА, ф. 324, д. 5, л. 10.

²³ Там же, л. 83. — В 1717 г. подполковником Э. Доломановым была произведена перепись всех крестьян, поселившихся в с. Поим.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

Беглые крестьяне явились основателями другой вотчины Шереметевых — с. Знаменского (Камышленки) Симбирского уезда. Самое раннее известное нам появление беглых в Камышленке относится к 1700 г. В 1720 г. только из Нижегородской вотчины Черкасских, с. Ворсмы, беглых крестьян в Камышленке насчитывалось 47; с 1721 по 1732 г. в Камышленке поселилось еще 464 крестьянина, бежавших из Ворсмы.²⁶ Крестьяне поселялись на свободных землях, осваивали «дикое поле». Затем, когда все свободные земли были заняты, а население за счет притока новых беглых увеличивалось, крестьяне стали покупать земли у окрестных помещиков «по рублю за четверть».²⁷

Вплоть до 30-х годов XVIII в. крестьяне Камышленки, как и Поима, не знали помещичьей власти. Повинности крестьян состояли в уплате мирских денег и подушной подати, причем подушной податью облагалась лишь та часть крестьян, которая попала в списки первой ревизии. Из своей среды крестьяне избирали выборного, ведавшего сбором денег, приобретением земель и устройством вновь прибывавших беглых. Так, к выборному М. Репьеву «прихаживали и являлись... беглые крестьяне... и поселиться позволение у него спрашивали».²⁸ Выборный отводил им земельные наделы. В Поиме и Камышленке, основанных и населенных беглыми крестьянами, создавался уклад, какой существовал во всех деревнях государственных крестьян с присутствием им общинным устройством.

В 1733 г., после челобитной А. М. Черкасского «о беглых из его вотчин многих крестьян», в Пензенско-Симбирский край была направлена Сенатская экспедиция во главе с гвардейским офицером Зиновьевым «для вывозу тех крестьян на прежняя жилища с разорением тех их в бегах жилищ».²⁹ Зиновьев получил обстоятельную инструкцию о сыске и вывозе крестьян. В пункте 3-м инструкции говорилось: «Пущих за вотчиков, учиня жестокое наказание, бив кнутом нещадно, а протчих падогами, и всех их з женами и з детьми и со всеми пожитки выслать в прежняя жилища, кто откуда бежал, а оставшее строение после всех тех беглых крестьян в вышечисленных местах по силе указов разорить и зжечь, дабы впредь никакова пристанища быть не могло».³⁰

Поим и Камышленка были разорены дотла. Но многие крестьяне, отправленные Зиновьевым на прежнее жилище, сбегали с пути из-под конвоя солдат и вернулись в Поим и Камыш-

²⁶ Там же, д. 1, лл. 1—970. (Подсчеты наши, — Т. Б.).

²⁷ Там же, л. 942 об.

²⁸ Там же, ф. 328, д. 1, л. 940 об.

²⁹ ЦГИА, ф. 1088, оп. 11, д. 384, л. 1.

³⁰ ЦГАДА, ф. 324, д. 5, л. 3.

ленку.³¹ В 1737 г. вновь действовала сыскная экспедиция Зиновьева. «Однако же и после того вторичного вывозу бежало многое число крестьян из разных вотчин» Черкасских «в те же низовые места».³²

В 1752 г., «дабы более те крестьяне по разным местам не шатались», началось поселение крестьян, бежавших из вотчины Черкасских, в с. Камышленке, на землях, купленных крестьянами или занятых ими.³³ Для сыска беглых крестьян из Казанской губернской канцелярии были направлены две команды — Ф. Куроедова и фон Вергентрейха. «По ярманкам и по торшкам» Казанской губернии поверенные Шереметевых обращались «со объявлениями», чтобы все крестьяне, бежавшие из вотчин, Черкасских—Шереметевых, собирались «на те земли, где были поселки... без всякого опасения».³⁴

Так в 1752 г. на Камышленку, населенную беглыми крестьянами, была наложена помещичья рука. В селе, стихийно выросшем на «пустых» землях в результате непрерывного притока беглых, появились все атрибуты помещичьей вотчины: помещичий дом, вотчинная администрация, приказная изба, тюрьма. Характерна такая мера помещика: «з запискою под смертною казнию» крестьянам объявлено, «чтоб на тех землях жили безотлучно и никуда к побегу намерения не имели».³⁵

Таким образом, еще в 40-е годы XVIII в. была юридически оформлена Никольская (Поимская) вотчина Шереметевых.³⁶

Документы следственных комиссий 1733, 1737 и 1752 гг. показывают, что беглые помещичьи крестьяне были первыми поселенцами многих других сел и деревень Поволжья: в Симбирском уезде сел Коломантай и Зимницы и дер. Самодуровки, в Казанском уезде дер. Садиловки, в Пензенском уезде деревень Березовки и Оржевки и с. Покровского.

Таким образом, беглые помещичьи крестьяне искали себе убежище прежде всего на «пустых» землях, не знавших помещичьей власти. Крестьяне на время освобождались от крепостной неволи и оказывались примерно на положении государственных крестьян.

---

³¹ ЦГИА, ф. 1088, оп. 11, д. 384, л. 65 (челобитная Шереметевой Сенату 1752 г.).

³² Там же, л. 1. — Беглый крестьянин В. Алешенков на допросе в 1752 г. говорил, что он с семьей «вывезены были из бегов двоекратно из сельца Поим и по вывозе паки бежали».

³³ Там же, л. 2. — В 40-е годы вотчины А. М. Черкасского вместе с его дочерью В. А. Черкасской перешли в род Шереметевых. Поселение крестьян в 1752 г. происходило уже при Шереметевых.

³⁴ Там же, л. 2 об. — Крестьян других помещиков, поселившихся в Камышленке, высылали их владельцам.

³⁵ Там же, л. 2.

³⁶ Там же.

Часть беглых крестьян попадала в помещичьи деревни или в деревни государственных крестьян. В вотчине Гагариных, с. Бурдасы Керенского уезда, в 1752 г. было обнаружено 70 беглых крестьян.³⁷ В с. Лыкове, принадлежавшем князьям Грузинским, проживало до 400 беглых крестьян.³⁸ Попадая в тягло в новых местах жительства, гонимые угрозой сыска, крестьяне нередко переходили с места на место. Крестьянин Сергеев, бежавший в 1720 г. из Алатырской вотчины Языковых, в течение 10 лет жил в Пензенской вотчине В. Шереметева, с. Чирчим, но был «выбит вои» и в последующие 6 лет вынужден сменить еще 4 места жительства.³⁹ Беглый А. Посконин за 8 лет пять раз перешел с места на место.⁴⁰

Источники рисуют картину постепенного перехода беглых из Нижегородско-Арамацкого Поволжья в Пензенский и Симбирский уезды, а отсюда на юго-восточную окраину Поволжья и в Заволжье. В 1763 г. в Сенат поступило донесение от нижегородского помещика А. Арапова о том, что из его вотчины бежало 14 крестьян «з женами и з детьми и со всеми своими семействами» «в новопоселенное место на реке Иргисе» — в Мальковскую волость.⁴¹ К побегу готовилось еще пять крестьян Арапова. На Иргиз же бежало шесть крестьян от помещиков Божиновых Шацкого уезда, туда же бежали крестьяне от кн. Мамлеева из Верхнеломовского уезда.⁴² Нижнеломовская воеводская канцелярия доносила в Сенат, что «и от протчих помещиков многие крестьяня побежали. . . туда».⁴³

Общее количество беглых крестьян в Среднем Поволжье в изучаемый период установить невозможно: статистика велась небрежно, точного учета не было, частные фонды за этот период сохранились крайне плохо. Известные нам материалы приводят к одному наблюдению о динамике в развитии бегства: бегство крестьян было постоянным фактором социальной жизни Поволжья, но были периоды подъема и периоды уменьшения количества крестьянских побегов.

В XVIII в. в Среднем Поволжье периодом учащения крестьянских побегов были 20—30-е годы. Об этом свидетельствуют материалы о бегстве крестьян из нижегородских и арамацких вотчин Черкасского. По источникам известно время бегства 878 крестьян. Оказывается, что до 1710 г. бежали 26 крестьян, с 1711

³⁷ Там же, л. 17.

³⁸ В. Снежиневская. К истории побегов. Нижегород. сборник, 1890, № 10, стр. 523.

³⁹ РО ГБЛ, ф. Пазухиных, $\frac{XX}{26}$, л. 1.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 324, д. 1, л. 332.

⁴¹ Там же, ф. 2-го деп. Сената, № 260, оп. 1, д. 72—4973, л. 319.

⁴² Там же, л. 319 об.

⁴³ Там же, л. 323.

по 1720 г. — 47, с 1721 по 1730 г. — 464, с 1731 по 1740 г. — 245, с 1741 по 1750 г. — 96.⁴⁴

Затем увеличение числа побегов крестьян относится к 60-м — началу 70-х годов XVIII в. Вот данные о побегах из среднеповолжских вотчин в последние десятилетия перед Крестьянской войной.⁴⁵

Т а б л и ц а 1

Годы	Количество побегов крестьян из вотчин					
	Полянских	Куракиных	Воронцовых	Юсуповых	Нарышкиных	всего
1751—1760	10	2	3	2	—	17
1761—1770	24	6	10	4	23	67
1771—1773	12	2	8	1	18	41
Всего . . .	46	10	21	7	41	125

В 70-е годы, как видно из табл. 1, только за первые три года беглых крестьян в указанных вотчинах было в 2.4 раза больше, чем за все 50-е годы. В этот период в Поволжье наблюдался также рост крестьянских волнений: за последнее десятилетие перед Крестьянской войной 1773—1775 гг. в районе Среднего Поволжья известно 15 крестьянских восстаний, в том числе и в с. Камышленке (1766 г.), населенной беглыми крестьянами. Рост числа крестьянских побегов находился в прямом отношении с обострением общей классовой борьбы крестьянства.⁴⁶

Экономическое положение беглых крестьян выясняется из «допросных речей», отражающих состояние хозяйства беглых в момент их сыска.

Известно, что признаком экономической состоятельности крестьянской семьи является ее состав: «состав семей у зажиточного крестьянства оказывается выше, а у несостоятельного — ниже среднего».⁴⁷ А. Новосельский указывает, что в XVII в. «побеги в одиночку были редки».⁴⁸ Имеющиеся в моем распоряжении данные по первой половине XVIII в. рисуют иную картину:⁴⁹

⁴⁴ Там же, ф. 324, д. 1.

⁴⁵ Там же, ф. Полянских, № 1276, дд. 99, 101, 104, 136, 149, 165, 175, 177; ф. Воронцовых, № 1261, оп. 3, ч. Б, разд. VI, д. 1741; ф. Нарышкиных, № 1272, д. 67; ф. Юсуповых, № 1290, оп. 6, дд. 1151, 1117, 1213, 1264. См. также: ГИМ, ф. Куракиных, дд. 29 (н. оп.), 1241 (ст. оп.).

⁴⁶ См.: П. К. А л е ф и р е н к о. Крестьянское движение..., стр. 153, 204.

⁴⁷ В. И. Л е н и н, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 127.

⁴⁸ А. Новосельский. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века. Истор. зап., т. 16, 1945, стр. 59.

⁴⁹ Подсчитано по источникам, указанным на стр. 388 (сн. 14).

Таблица 2

Состав семьи	Число побегов	% к общему числу побегов
Одиночные побег	200	39.7
Побег по 2 человека	67	13.3
» » 3 »	15	2.9
» » 4—5 человек	13	2.6
» » 6—7 »	11	2.4
» с женами и детьми	197	39.1
Всего	503	100%

Побег семьями в 2—7 человек и «с женой и детьми» (количественный состав таких семей неизвестен) составляли 60.3% всех известных по документам побегов в Среднем Поволжье в 30-х—начале 70-х годов XVIII в. Почти 40% всех побегов составляли побег в одиночку. Наличие в составе беглых большого количества беглых-одиночек указывает на связь побегов «с хозяйственным изнурением и истощением крестьян». ⁵⁰ Если «семьянистые», состоятельные крестьяне во время бегства, как правило, жили «своим двором», то беглые-одиночки шли работать по найму на фабрики и заводы, промышленяли на рыболовных ватагах, бурлачили на Волге и Дону, пробивались поденной работой у крестьян, купцов, посадских, казаков.

Другим важным показателем при изучении экономического положения беглых крестьян являются данные о их занятиях во время бегства. Известные мне 372 документа с указанием характера занятий беглых крестьян за 1700—1730-е годы и 119 документов за 1740-е—начало 1770-х годов сведены в табл. 3. ⁵¹

Из табл. 3 видно, что в первую треть XVIII в. почти 52% всех известных по источникам беглых Среднего Поволжья обзаводилось «своим двором», т. е. собственным крестьянским хозяйством, тогда как в 1740-х—начале 1770-х годов такие беглые составляли всего 21%. Вместе с тем, согласно тем же данным, в последнее тридцатилетие больше чем вдвое вырос процент беглых, добывавших средства к существованию работой «по найму» у разных людей. Продолжительность работы по найму была неодинакова. В период летних полевых работ особенно была распространена поденная и понедельная работа по найму. Больше половины всех перебивавшихся наймом беглых работало у крестьян же. Зажиточной верхушке крестьян, выделявшейся в процессе расслоения деревни, требовались работники — и эту нужду она удовлетворяла за счет дешевой рабочей силы беглых. Характер-

⁵⁰ А. Новосельский по XVII в. не находит этой связи.

⁵¹ Подсчеты сделаны по документам, указанным на стр. 388 (сн. 14).

Характер занятий беглых (терминология документов)	1700—1730-е годы		1740-е—начало 1770-х годов	
	число беглых	%	число беглых	%
Жили «своим двором»	193	51.9	25	21.0
Жили «меж двор»	37	9.9	2	1.7
Кормились «ремеслом»	21	5.6	24	20.2
Работали «по найму»	78	20.9	50	42.1
Работали на помещиков	12	3.2	2	1.7
Откупали мельницы	4	1.1	—	—
Занимались торговлей	1	0.4	3	2.5
Кормились «мирским подаением»	26	7.0	7	5.8
Находились «в разбое»	—	—	3	2.5
« «в рекрутах»	—	—	3	2.5
Всего	372	100	119	100

ным в этом отношении является наказ черносозных крестьян Саратовской провинции в Комиссию 1767 г., в котором содержалась просьба ограничить действие указа о «немалом» штрафе за держание беглых: не взыскивать с них штраф за тех приходящих к ним в рабочую пору беглых, которые пробудут у них не больше недели.⁵² Помещики провалили просьбу крестьян, но сама по себе просьба любопытна тем, что в ней слышался голос определенной части деревни, которая нуждалась в труде беглых и несомненно широко применяла его.

Беглые, работавшие на помещиков, выполняли все повинности наравне с их крепостными, снова попадая в крепостное состояние. И. Суслин, несколько лет живший в вотчине Трубецкого в Симбирском уезде, на допросе в 1738 г. говорил, что на помещика «работу всякую в ровенстве с крестьяны работали».⁵³ Как и следовало ожидать, у помещиков жила лишь очень незначительная часть беглых крестьян. Следовательно, крестьяне бежали не для того, чтобы сменить владельцев, а стремились совсем уйти от крепостной зависимости.

Выводы, полученные на основании имеющихся данных о семейном положении и занятиях беглых крестьян, подтверждаются данными о состоянии их хозяйства. В различных архивных фондах мне удалось обнаружить 344 документа с описанием хозяйства беглых в момент их сыска. Если взять за основу группировки лошадность крестьянских хозяйств, то получится следующая картина.

⁵² Н. Фирсов. Вопрос о беглых и разбойниках..., стр. 12.

⁵³ ЦГАДА, ф. 324, д. 1, л. 336.

Первая группа беглых крестьян, безлошадные, совершенно поврала с собственным земледельческим хозяйством: не имела не только лошадей, но и никакого другого скота, не имела хлеба ни в запасе, ни в посеве. В 1744 г. в с. Камышленке Симбирского уезда содержалось 6 безлошадных крестьянских семей, бежавших из нижегородских и арзамасских вотчин Шереметева. Приказчик Смирнов доносил помещику, что «у оных беглых» нет «никакого пропитания, и милостыни под караул не подают, и помирают голодом». Поэтому все шесть семей выпущены из-под караула и отданы «на поруки с подписками поселковым крестьянам».⁵⁴ Это — наиболее бедный, разоренный слой крепостной деревни, находивший себе пропитание работой по найму у разных людей или нищенством. Среди той части беглых, экономическое состояние которой удалось выяснить, такие беглые составляли довольно высокий процент — 18,3%.

О степени хозяйственной обеспеченности однолошадных беглых крестьян говорят следующие показатели: на один двор в среднем приходилось по 0,5 коров и 1,6 голов мелкого скота, по 5,6 осьмин (или по 2,8 четв.) молоченого хлеба и по 0,3 дес. земли в озимом поле.⁵⁵ Во владении однолошадных беглых крестьян, составивших 26% беглых, находилось всего 13% лошадей, 10% хлеба и 9% озимого земельного клина. Земледельческое хозяйство их являлось номпнальным: оно не обеспечивало крестьянского двора собственным хлебом и на четверть года. Преобладающее большинство однолошадных выступает по документам в качестве наемных работников «у разных людей». По характеру своего хозяйства однолошадные мало чем отличались от безлошадных. Однолошадные и безлошадные беглые крестьяне составляли, выражаясь языком документов 60—70-х годов XVIII в., группу «трегьестатейных» беглых крестьян (44% всех известных беглых).

Двух- и трехлошадные представляли собою средние слои беглых крестьян, составлявшие почти 46% от известного общего числа беглых. Средние показатели хозяйства на один двор свидетельствуют о крайне неустойчивом экономическом положении средних слоев беглых, особенно двухлошадных, которые своим хлебом были обеспечены лишь на полгода (в среднем 7,5 четв. на двор). Поэтому многие беглые данной группы работали по найму. Но здесь были крестьяне и иного состояния. В. Заикин, беглый из

---

⁵⁴ ЦГИА, ф. 1088, оп. 10, д. 314, л. 6.

⁵⁵ Размеры земельных наделов в озимом поле высчитаны следующим образом: 89 однолошадных дворов имели в посеве 100,25 осьмин ржи, т. е. каждый двор высевал в среднем по 1,1 осьмины или по 0,6 четв. ржи. Если исходить из данных о средней порме (2 четв.) посева па десятину, то получается, что 0,6 четв. соответствуют наделу примерно в 0,3 десятины. Подобным же образом определены размеры озимого клина у других групп крестьян.

с. Ворсмы, в 30-е годы имел трех лошадей и содержал на откупе мельницу в Пензенском уезде у помещика Алмазова.⁵⁶

Четырех- и пятилошадные беглые имели основательное земельческое хозяйство: только в озимом поле они владели земельным наделом в 2.5 дес. (или 7.5 дес. в трех полях). Они были хорошо обеспечены рабочим и другим скотом и имели достаток в хлебе.

Среди беглых выделялась верхушка зажиточных крестьян. Составляя незначительный процент (1.7%), эта группа сосредоточила в своих руках большие материальные богатства. Хозяйства не только обеспечивали пропитание семьи, но и давали излишки хлеба. Некоторые беглые крестьяне данной группы являлись настоящими сельскими богачами. В. Курепанов, бежавший из Нижегородской вотчины Шереметевых в 1720 г., в 30-е годы имел семь лошадей и три жеребенка, трех коров, девять свиней, у него было в запасе хлеба 90 осьмин и 25 овинов, посев ржи составлял 4 дес.⁵⁷ Примером богатого крестьянского хозяйства является также хозяйство беглого Нефёда Бабина. Бабин бежал из с. Ворсмы в 1720 г., сначала жил в Пензенском уезде, а в 1724 г. поселился «своим двором» в Камышленке. В 30-е годы Бабин имел 12 лошадей, шесть коров, трех телят, 30 овец и шесть свиней, 62 индейки; хлебный запас у него равнялся 348 осьминам, да имелось 15 овинов немолоченого хлеба.⁵⁸ Бабину принадлежало столько хлеба, сколько имели в совокупности 60 однолошадных крестьянских дворов. Разумеется, что часть хлеба Бабин поставлял на рынок, ибо запасы хлеба у него в семь раз превышали потребности его двора. Такое хозяйство не могли обслужить только члены семьи; известно, что «из найма» у Бабина работали беглые. Бабин играл крупную роль в социально-политической жизни Камышленки: неоднократно был выборным, производил купчие сделки на землю с соседними помещиками, принимал беглых крестьян, давая им разрешение на поселение в Камышленке.⁵⁹

Таким образом, данные об экономическом положении показывают, что беглое крестьянство Среднего Поволжья не являлось однородным. При наличии большой группы «мелкостатейных» беглых крестьян выделилась немногочисленная, но экономически сильная, зажиточная верхушка беглых, сосредоточившая в своих руках значительное богатство, применявшая в своем хозяйстве наемный труд. Перед нами картина не только имущественного неравенства, но и возникавших в среде беглого крестьянства экономических противоречий. Низшие группы беглых крестьян, работая по найму «у разных людей», в том числе и у зажиточной

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 324, д. 1, л. 265.

⁵⁷ Там же, л. 575.

⁵⁸ Там же, л. 942 об.

⁵⁹ Там же, л. 940 об.

верхушки беглых, попадали в экономическую зависимость к своим более состоятельным собратьям. Следовательно, в беглом крестьянстве Среднего Поволжья в XVIII в. протекали те же социально-экономические процессы, какие наблюдались вообще в крепостной деревне России.⁶⁰ Однако особенности положения беглых крестьян обусловили образование среди беглого крестьянства более значительного слоя «мелкостатейных», экономически разоренных крестьян.

Во второй половине XVIII в. государственная власть и класс помещиков усилили борьбу с бегством крестьян. О беглых было издано «громадное количество правительственных распоряжений».⁶¹ Наибольший интерес представляет указ от 13 мая 1754 г., служивший основанием для решения дел о беглых крестьянах во второй половине XVIII в. Этим указом возвращались помещикам все крестьяне, бежавшие от них после 1719 г.; если беглые утаивали, кому они действительно принадлежали, меняли свое имя или имели фальшивые отпускные, то предлагалось «исследовать самым строгим образом и, если дойдет до пытки, то и пытаться; затем виновных бить плетью и шпать в службу, а их отдать прежним владельцам». Всех беглых крестьян при отдаче помещикам следовало наказывать за побег по желанию самих помещиков. Указ преследовал также пристанодержателей.⁶²

Царское правительство, верно служившее интересам дворянского класса, не ограничивалось публикацией грозных указов. Для борьбы с побегими крестьян использовались армия и отряды казачьего войска, разбросанные по всем более или менее крупным городам России, в том числе и Среднего Поволжья. При каждой губернской, провинциальной и воеводской канцеляриях имелись мастер заплочных дел — палач — с кнутом и плетью и городская тюрьма, в которой «под караулом», а нередко и «в железах» содержались беглые крестьяне до прихода нарочных от помещиков. В места наибольшего скопления беглых правительство направляло особые сыскные экспедиции «для вывозу беглых на прежние жилища».⁶³

Политику беспощадной борьбы с бегством проводили сами помещики, что видно из их вотчинных инструкций и указов. Б. А. Куракин инструкцией приказчику пензенских вотчин П. Мизинцеву от 30 января 1760 г. строжайше запретил держать в вотчинах «беглых крестьян и женок, девок и солдат», так же

⁶⁰ См.: Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, стр. 203—311.

⁶¹ Законодательство второй половины XVIII в. о беглых крестьянах освещено в работах В. Семевского «Крестьяне в царствование Екатерины II» (т. I, гл. XII) и Н. Фирсова «Вопрос о беглых и разбойниках...».

⁶² В. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I, стр. 333.

⁶³ ЦГИА, ф. 1088, оп. 11, д. 3084, л. 1.

как запретил уезжать своим крепостным без разрешения. «Для того смотрения» в вотчинах были избраны десятские, которые ежедневно «во всяком дворе по утру и вечеру» проверяли порядок, «чтоб пришлых никого не было». ⁶⁴ В симбирских вотчинах Самарина в каждом доме назначался приказчиком старший, который нес ответственность за всех членов семьи и за полный порядок в доме. ⁶⁵ Помещик Пазухин запрещал держать пришлых «под опасением по указам штрафов и телесного наказания». ⁶⁶ Борьбе с бегством уделено много внимания в инструкции Шереметева 1764 г. ⁶⁷ Особым изобретательством в борьбе с бегством отличался кн. М. Голицын. В инструкции приказчику Мельникову в 1767 г. Голицын писал: «...наблюдать тебе накрепко в своем ведомстве, чтобы беглых солдат, драгун, рекрут и протчих от службы шатающихся и никаких гулящих, беспашпортных людей не было и о недержании таковых брать от старост и выборных сотских и десятских месячные подписи». Чтобы крестьяне из его имений «никто никуда побегу не имели», Голицын приказал «для того обязывать ежегодно всех крестьян круглою порукою, чтоб друг за другом наблюдали». ⁶⁸

Совместные усилия государственной власти и господствующего класса не привели к прекращению бегства, хотя затруднили не только уход крестьян от помещиков, но и возможность найти «пристань» и укрыться от сыска. Характерны в этом отношении дела о беглых крестьянах Арзамасской провинции за 70-е годы XVIII в. Крестьяне, бежавшие в 1772—1775 гг., оказывались пойманными через 1—2 года, а нередко и через несколько месяцев. ⁶⁹

Итак, бегство крепостных крестьян являлось одной из форм сопротивления крестьян помещичьей власти и крепостным порядкам: «...крестьяне борьбу с феодалами переносят в пространство и буквально „уходят“ от феодализма на новые места, куда он еще не успел проникнуть». ⁷⁰ То обстоятельство, что в населении Среднего Поволжья значительный процент составляли крестьяне, однажды уже выразившие протест против крепостнической эксплуатации, против существовавшей системы общежития, не мирившиеся с крепостным правом, ушедшие со своих насиженных мест на поиски лучшей жизни, — проливает свет на причины «бунташности» данного района.

⁶⁴ ГИМ, ф. Куракиных, д. 1205 (ст. оп.), л. 171.

⁶⁵ РО ГБЛ, ф. Самариных (инструкция поверенным от 10 февраля 1768 г.).

⁶⁶ Там же, ф. Пазухиных, $\frac{XV}{19}$, л. 2.

⁶⁷ См. в киевском журнале «Университетские известия» (1904, № 7; 1905, № 8).

⁶⁸ РО ГБЛ, ф. Голицыных, «Вязема», л. 20.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. Арзамасской провинц. канц., № 419, д. 62—95.

⁷⁰ В. В. Мавродиц. К вопросу о роли классовой борьбы в истории феодализма в России. Вестник ЛГУ, 1950, № 2, стр. 78.